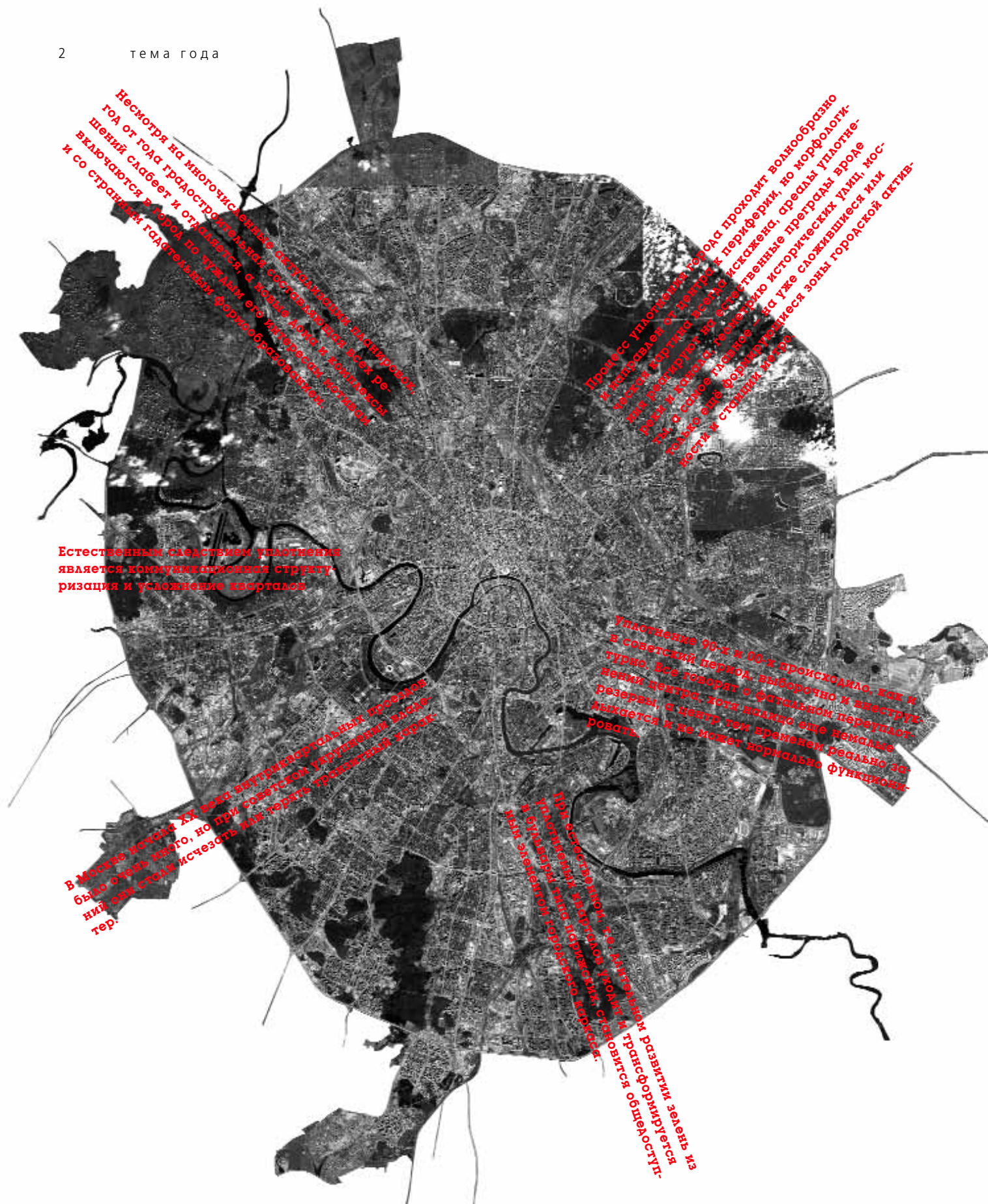

Дисперсная застройка Замоскворечья.
Старомосковский морфотип.
Реликтовая среда, сохранившая черты Москвы
как «большой деревни».

```
XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX
XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX
XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX
XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX
XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX
```

Владимир Юдинцев

Москва: что это было и куда грести?

Почти два десятилетия строительного бума в Москве стоят того, чтобы оглянуться и попробовать ответить на третий главный российский вопрос, который важнее обоих хрестоматийных – «А что это было?». Начало бума совпало с завершением работы над Генпланом г.Москвы и ПДП центра – наиболее методически осмысленными документами еще советского периода, к сожалению, не оказавшими заметного влияния на реальную практику в историческом центре, хотя уже учитывавшими наметившиеся буржуазные процессы. И вообще, несмотря на многочисленные актуализации планировок, год от года градостроительная составляющая всех решений слабеет и отдалается, а новые дома и комплексы включаются в город по чуждым его интересам мотивам и со странным гадательным формообразованием. И почему-то у нас почти всегда получается не то, что собирались делать. Или город так сопротивляется, или, что скорее, мы не вполне его чувствуем, потому что настроено уже много, а лучше не стало, скорее наоборот. Больной выглядит румянее, но почему-то трясется. Закончится кризис, и мы кинемся догонять время под понукания заказчиков и окрики властей, забыв, что любимый город давно уже полумертвый в силу несовместимости хилой уличной сети, разжиревших кварталов и их использования. Чтобы осознать сложившееся положение в полном объёме, уже недостаточно вскрывать ошибки и ругать сговорчивость архитекторов, амбиции и жадность инвесторов – это материал для публицистики. Наше дело – повнимательнее взглянуть в сам предмет наших посягательств, структуру города, его кварталов и их чисто московские особенности. Самое время прояснить общую направленность действий по центру и то, пусть небольшое, что зависит лично от нас, перед началом следующего этапа вмешательств – тогда опять некогда будет оглядываться и думать.

* Огромное спасибо Yandex и Google – теперь понятно, что у нас получилось.

Фрагмент самой плотной части Москвы. Периметрально-компактный морфотип по качеству среды напоминает европейские столицы.

xxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxx

xxxxxxxxxxxxxxxx

xxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxx

Немного теории

Несмотря на то, что Москву принято считать «большой деревней», ей не удалось избежать ни одной стадии урбанистического уплотнения, прослеживаемого во всех крупных европейских городах. Никакого особого пути историческое развитие Москвы не предвещало. Ну разве что частые пожары ускоряли смену фонда, но на структуру застройки это влияло слабо. Поначалу деревенскую модель заселения жители вносили и внутрь стен города. Улицы многих провинциальных городов — это цепочки домов с разрывами, за домами — сады-огороды. Только в деревне сады так и оставались, а в городе они застраивались, вначале — службами и флигелями, впоследствии — новыми строениями и корпусами. Иногда надстройками на старых фундаментах, иногда — целиком новыми сооружениями. Деревянные дома заменялись каменными, те в свою очередь надстраивались, пока держались старые основания, затем скачком увеличивалась этажность на капитальных подвалах, усложнялась конфигурация домов и т.д. Домовладения приобретали форму проходных дворов, часто в виде анфилад, где границы участков зримо не всегда выявлялись, но они всегда были. Даже советская власть не смогла их отменить. Границы участков, конечно, менялись: реже дробились, чаще укрупнялись, но, в целом, домовладение как основная клетка города оставалось довольно стабильным. Наиболее типичная для Москвы нарезка уличного

фронта кварталов составляет 25-40 м. Можно с уверенностью утверждать, что последовательность уплотнения домовладений всех исторических городов представляет собой линейную шкалу, начальная фаза которой — одинокий дом на участке, далее — прямоугольные, Г-образные, П-образные дворовые конфигурации, а в конце — периметральный или сдвинутый по световым условиям двор-колодец, а то и вовсе «плотное тело» в размер всего участка — мечта любого современного застройщика. Набор домовладений, находящихся на различных стадиях исторического уплотнения, очень хорошо характеризует типы уличной среды разных городов или районов каждого города. Довольно легко идентифицируются районы с выраженной усадебной застройкой в старых городах Московской области и, скажем, в Замоскворечье или на Швивой горке. Таких фрагментов полно и на окраинах Парижа, Вены и других исторических городов. В естественном процессе урбанизации этот тип среды неуклонно вытесняется на периферию городских образований. Также сравнительно легко опознаются и плотные фазы развития домовладений. Центральные районы Парижа, Берлина, Санкт-Петербурга, да и любого другого крупного европейского города имеют сходную структуру с центром Москвы начала XX века — Китай-городом, районом Тверской-Петровки-Кузнецкого — даже несмотря на явные разли-

чия в квартальной структуре и её размерности. Очевидно, что закономерности уплотнения городской среды едины для исторически сложившихся европейских городов, и российских в том числе. Для нас же особый интерес представляют те развилки, где возникали и обострялись отличия от общего пути, приведшие к сегодняшнему состоянию центра Москвы. Понятно, что процесс уплотнения города проходит волнообразно и направлен от центра к периферии, но морфологическая картина всегда искажена, ареалы уплотнения реагируют на естественные преграды вроде реки и канала, геометрию исторических улиц, мосты, а самое главное — на уже сложившиеся или только ещё формирующиеся зоны городской активности и станции метро. В Москве ареалы наиболее плотных кварталов создают на редкость причудливую картину — едва угадываемый «штурвал» из кольцевых и радиальных элементов, но вектор уплотнения всегда направлен из центра на периферию. Схожее правило действует и в пределах каждого квартала, но вектор здесь противоположный — от периметра квартала к его центру. Это хорошо читается на схемах исторического развития кварталов. Да и рыночная стоимость поуличной недвижимости всегда была выше, чем домовладений в глубине. А так как кварталы большие и рыхлые, то, когда очередь доходила до уплотнения внутренних владений, спонтанные проезды и проходы оформлялись в тупики и

Периферия исторических частей Москвы и Парижа. Северный участок 3-го кольца у Савеловского вокзала и пересечение Периферик (аналог 3-го кольца) с проспектом Великой Армии. Степень завершенности и качество среды показательно отличаются.

xxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxx

xxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxx

xxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxx

xxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxx

переулки. То есть естественным следствием уплотнения являлась коммуникационная структуризация и усложнение кварталов. В Париже этот процесс деления кварталов происходил где-то в XVIII-XIX веках и завершился османовской реконструкцией, апплицировавшей дополнительную укрупненную уличную сеть, благодаря которой вкупе с Periferique (типа нашего 3-го кольца) Париж худо-бедно справляется. При этом возникшие при делении проезды и проходы получили статус улиц, хотя и узких поначалу, но постепенно расширявшихся в процессе замены фланкирующих домов. Там не осталось тупичков и переулочков в нашем понимании, как не осталось и крупных двухэтажных кварталов (т.е. имеющих внутренние ряды домовладений). Западные домовладения могут быть очень длинными, но обязательно выходят на улицы, если нет, то улицы внутри возникали непременно, а вот у нас — далеко не всегда.

Московские особенности

Возьмите любой крупный московский квартал и вы легко прочтете подъездные пути к внутренним домовладениям, которые недоразвились в переулки и улицы — так, проездики. Также легко предположить, что по этим направлениям и происходило бы дальнейшее деление кварталов Москвы, при естественном уплотнении города, если бы российский капитализм не споткнулся о 1917 год. В Москве начала XX века внутриквартальных проездов

было очень много, но при советском укрупнении владений они стали исчезать или терять транзитный характер⁽¹⁾. Это очень важный момент. Ведь в советский период формирование кварталов как исторический процесс было остановлено. Был выборочный снос, произвольный передел границ домовладений, новое строительство рядовых и уникальных объектов, где-то санация, а то и полный снос ради транспорта и скверов, но уплотнения «по следу» домовладений с образованием дворов второго эшелона, т.е. в глубине, с неизбежным в таких случаях коммуникационным усложнением, а значит, и сгущением уличной сети — НЕ БЫЛО. Кварталы как-то жили, но вне собственной морфологии, как бы в «походном», промежуточном состоянии. Все, что мы до сих пор описывали, относится к естественному, т.е. эволюционному развитию городской среды. При этом уплотнение выступает показателем качества и эффективности использования городской территории. Почему? Да потому что только высокая функциональная плотность дает максимальный выбор видов деятельности, обмена и потребления, только на определенном уровне их концентрации возможна организация пешеходных зон, пассажей и прочих потребительских комплексов, что характеризует высшую фазу развития исторического города. Нетрудно заметить, что среди основных закономерностей естественного уплотнения структуризация внутриквартального пространства и его деление с образовани-

ем новых коммуникаций — чаще всего отсутствует. Российское развитие чем-нибудь да отличится. И никто вроде не виноват. В конце XIX — начале XX вв. кварталы начали делиться, да помешали революция с разрухой — еле живому городу не до деления кварталов, благо движения никакого. Затем социализм переключил всеобщее внимание на метро и новые проспекты, пошло укрупнение фрагментов городского плана, нужда в «замельченном историзме» надолго отпала. В разделе 13 «Основных положений генерального плана 1935 года» написано просто: «Вместо мелких кварталов в 1,5-2 га, плотно застроенных — на 50-60% — мелкими домами, изрезанных при этом большим количеством пересекающих магистрали переулков — строить крупные кварталы в 9-15 га». В этой фразе — источник многих нынешних московских бед. Директивно был необратимо препарирован исторический процесс формирования среды. Авторы конечно не вредители, но и совсем уж не футурологи. А директива продолжала действовать и когда про генплан 1935 г. все забыли. Ставка была на общественный транспорт, автомобилизация в 60-80-е гг. не была угрожающей — на улицах тесновато, но терпимо. О близком возрождении капитализма нигде не сообщалось, а кварталы тем временем необратимо укрупнялись. В отношении Москвы держится устойчивая легенда, что она самая зеленая из европейских столиц. Это было предметом гордости

Крупные кварталы в черте Садового кольца – иллюстрация рыхлости и отсутствия внутренней структуры.

Легкая добыча для безразмерных объектов.

```

XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX
XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX
XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX

```

Объекты-«пломбы» в Замоскворечье.

Невидимый «герой» между Ордынкой и Полянкой и слишком видимый с самых неожиданных точек бизнес-центр «Коперник». Верхнему удался даже незаметный офисный ансамбль в глубине квартала.

```

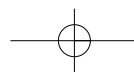
XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX
XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX
XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX
XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX

```


в советский период, остается и сейчас. Нелегко догадаться, что остальные столицы, в том числе и С-Петербург, которые «честно» двигались по пути капиталистического уплотнения, прошли этот период озелененности еще в XIX веке и благополучно отодвинули внутриквартальную зелень на периферию. Наша застройка и так отставала из-за обилия дерева и пожаров, а тут 1917 год – и стоп-кадр в развитии. Куда дошли, там и встали. И зелени много, и «московский дворик» Половоя, и козы. Но ведь это подарок беды, ничем особо не заслуженный, а лишь свидетельствующий о недоразвитости застройки. За последние 20 лет зелени, конечно, поубавилось, но в кварталах её ещё достаточно много. Интересно вспомнить, куда ушли пресловутые европейские столицы – а они давно перешагнули «зеленый» этап – и представить, что стало бы с зеленью Москвы, не будь 1917 г. При естественном, т.е. длительном развитии зелень из уплотняемых кварталов уходит и трансформируется в бульвары типа парижских, люксембургские сады, кольца скверов типа Рингштрассе в Вене, словом, становится общедоступным элементом городского каркаса, что требует его соответствующей реконструкции и оформления. Но из кварталов центра европейских городов зелень необратимо ушла, у нас оставаясь лишь на территории дворцов, усадеб, храмов и других ценных мест, чего

у нас, слава Богу, хватает. Это ждало и Москву. И что-то даже из таких каркасных элементов стало возникать, например: скверы на Петровке, угол Сретенки и Сухаревки, но Крымской площади, хотя их обустройство совсем не регулярное. К сожалению, сюда же относятся и варварские по происхождению скверы на Пушкинской (со сносом Страстного монастыря) и на Миусах (со сносом собора Александра Невского). Но это трудно назвать целенаправленной градостроительной деятельностью. Скверы возникали «по умолчанию» при сносе чего-то более важного – и снова как подарок беды. Рискую набрать врагов среди экологов, но деревья в московских дворах нельзя рассматривать как реликты, но как «запас на развитие» с довольно жесткой дихотомией: либо они способны создать самостоятельную городскую цельность, либо они – принадлежность (рудимент) промежуточной стадии и должны подчиниться логике развития и уплотнения квартала. Вот и подошли мы к 90-м годам с экстенсивными по плотности кварталами и уличной сетью конца XIX века с немногими добавками по генеральному плану 1935 года – Новокировским и Калининским проспектами, да Садовническим проездом, которые не спасли центр – и с затаившей много опасностей радиально-кольцевой схемой городского движения (2).

Район Брестских-Тверских улиц. Фрагмент самой плотной уличной сети в Москве. Даже после открытия развязки на Белорусской здесь будут множественные кризисные точки из-за объектов, у которых подъездные проблемы решены за счет городского уличного пространства.

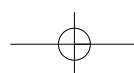
[illegible]

Что это было?

И на эту вырожденную и недоразвитую квартальную подоснову обрушился строительный бум 90-х гг. Сказать, что архитекторы и градостроители, имеющие отношение к принятию решений по городу, не были готовы к этому – никак нельзя. И ПДП центра было разработано на основе клеток-домовладений, и зоны максимального уплотнения выявлены заранее, и концепция морфотипов застройки была сформулирована, но тем-то и отличается бум от исторического развития, что времени не дает на постепенность. Наступление шло не там, где ждали, а где удалось выжать максимум при минимуме затрат. Вперед шли участки без сетевых проблем и мороки с отселением. В эту логику не ложился ни последовательность уплотнения, ни интересы соседних владельцев, также готовых начать стройку, но чуть опоздавших, ни такие нежности, как освещенность и инсоляция окружения. Крупные офисные объёмы оказывались в глубине жилых кварталов, едущие и стоящие автомашины вытесняли жилые пространства, провоцируя вывод фонда. Кварталы как бы взрывались изнутри. И ещё хорошо, если новое включение покрывало одно, а не группу смежных домовладений, когда возникал объект-пломба, лидирующий в окружении по емкости и высоте.

Именно такие объекты с преувеличенными габаритами и емкостью создают «узкие» места в структуре городского каркаса – стопроцентная аналогия с тромбами в кровеносной системе. Навскидку: такие места – у гостиницы «Аврора» на Петровке, у гостиницы «Армения» на Неглинной в районе Якиманки и Голутвинских переулках, у бизнес-центра «Коперник», на Долгоруковской у ТЦ «Дружба» и центра имени Мейерхольда, у бизнес-центра «Парус» и здания МГУ на Брестских улицах, у группы банков на Лесной улице – их много. Ведь ясно же, что размещение любого емкого объекта требует при магистрали зон остановки, маневрирования, высадки-посадки, уже не говоря о стоянке. А все это делается за счет неширокой улицы, отнимая у транзита от одной до трёх полос и провоцируя въезд на встречку, а должно быть включено в участок строящегося комплекса, и уж никак не съедая стоянкой тротуар и мостовую установкой идиотских столбиков и зон отчуждения. Таких «тромбов» и «клоповников» – больших и малых – каждой потребности центра встречает десятками по маршруту следования, им мы в первую очередь и обязаны устойчивым ощущением перегрузки и конкретными пробками центра. И плотность застройки здесь не особенно при чем. Вопрос чисто структурный.

Размещение емких объектов всегда требует от заказчика жертвовать иногда значитель-

Фрагмент северного сектора за Садовым кольцом
с переулками, исчезнувшими или утратившими
транзитный характер в течение последних 25 лет.

ной частью первого этажа, а от архитектора – определенного мастерства в организации подъездов, накопительных площадок, приобъектного движения и загрузки. При этом основная функция неизбежно «отползает» от красивой линии вглубь квартала или на другой уровень. Неучет этого губит уличную сеть, и плохо всем: и местным пользователям, и транзитным горожанам.

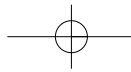
Другая беда: офисное использование квартального фонда (3) обрекло и без того редкую уличную сеть быть всегда дефицитной стоянкой, отнимая одну полосу как минимум у каждого направления. Заребованные приобъектные стоянки лишь отчасти удовлетворяют потребность только новых объектов, а общегородских и задерживающих стоянок почти нет. Машины обмыливают кварталы по несколько раз в поисках причала. Их перепробег и маневрирование усугубляют ситуацию. И центр встает даже не в часы пик и – что особенно пугает – в неожиданных, нелогичных местах.

Кроме того, центровую уличную сеть постепенно купируют в интересах мощных и режимных объектов. На наших глазах утратили сквозной характер знаменитая улица Зацепя, Уланский переулоч, Троицкая улица; при пробивке новой трассы улицы Маши Поряевой стали тупиками Скорняжний и Докучаев переулочки. Изъяты из городского движения и используются под режимные стоянки Настасьинский переулоч (Госдума); Фуркасовский и Большой Кисельный переулочки (ФСБ); 1-й и 2-й Колобовские переулочки (МУР); Сандуновский переулоч (ЦБ РФ); закрыт Банковский переулоч. За пределами Садового по разным поводам только в север-

ном секторе исчезли Горлов переулок, Косой переулок, Никоновский переулок, 1-й Щемилевский переулок, Весковский тупик, Минаевские переулки, Тихвинский тупик. Центр с врожденно низкой коммуникативностью, исчерпавший пропускную способность, такой роскоши себе позволить не может. И машины этих ведомств стоят, может быть, и комфортнее, но не едут, как и все остальные. Исключение даже небольшого числа улиц из активно действующей сети сильно снижает вариантность организации движения. Сегодня система движения в центре Москвы «закрыта», как ни в одном другом крупном городе. То есть надо знать зачастую единственно возможный вариант проезда, иначе нечего и въезжать. И на этом фоне уж вовсе непонятна страсть к одностороннему движению, придуманному К.Бьюкененом для Лондона с куда более плотной уличной сетью. У нас оно привлекается только потому, что при таком отстое у тротуаров в обе стороны уже не проехать физически. Прискорбная вынужденная мера, но никак не прогрессивное градостроительное достижение.

Совершенно очевидно, что в течение 17 лет вал новых объектов прилаживался на неразвитую и ущербную уличную сеть; нагрузил её очень неравномерно, чего вполне хватило на многочисленные кризисные места.

Теперь посмотрим, что происходило с пространством кварталов. Сейчас мало кто помнит, но еще в 60-е годы центр хранил планировочную структуру кварталов начала XX века. Домовладения были забыты множеством филигранных пристроек, навесов, дровяных и каретных сараев, котельных. В основном это

Один из множества больших доходных домов нача-
ла XX века с нарядным фасадом, изготовленным
«для улицы», но оставшийся в глубине квартала
без обозрения украшать
перекрытый шлагбаумами проезд.

были деревянные и мелкие кирпичные строения, но они довольно пластично фиксировали границы владений, и зачастую они-то и создавали уютное внутреннее пространство московских дворов, несмотря на то, что и придавали этим дворам трущобы характер. Когда в 60-х пошла «санация», и все не капитальное стали сносить, то дворовые ситуации сильно видоизменились. Замкнутые пространства стали перетекающими, обнажились брандмауэры, каменные опорные дома стали «плавать» внутри кварталов. Границы дворов стали условными.

Любого проектировщика советской поры это, конечно же, дезориентировало. Когда канва уплотнения не читается, возникают неожиданные, порой очень вертлявые конфигурации новых объемов, часто исключающие возможность развития соседних владений. Так же ставились и так называемые ЦКовские башни в 70-е годы, вроде бы и простецкой формы, но нарушая все «дворовые» законы и произвольно отступая от красных линий. Новые включения подобных отступлений себе не позволяют, стремясь занять всю площадь участка и минимизировать световые колодцы. Тем не менее за пределами Бульварного кольца застройка кварталов особой упорядоченностью не отличается до сих пор. Полно кварталов, где дома плавают, как фрикадельки в бульоне.

Очень показательно сравнение кварталов Москвы при подъёме на любую высоту центра и Парижа с Эйфелевой башни. Структура парижских кварталов практически не меняется в своей цельности, и уличный план читается уже метров с 50-ти, и так – до высоты по-

лета ворон. В московских же кварталах разрывы в периметре и слабо читаемая структура дворов создают конфигурации внутриквартальных пустот куда мощнее уличных, их трассы теряются, и городская планировка воспринимается целостно только с тех же птичьих высот. Получается, что несмотря на множественность новых включений, они дали весьма незначительный эффект в завершении пространства кварталов.

Уплотнение 90-х и 00-х происходило, как и в советский период, настолько выборочно и внеструктурно, что сложилась парадоксальная ситуация: большинство кварталов центра перегружено активностью, в основном офисной, и одновременно они пространственно не завершены. Исключение составляет Китай-город и Северо-Западный сектор внутри Бульварного кольца. Не поленитесь посмотреть Google и убедиться, что кварталы даже в пределах Садового кольца до сих пор рыхлые, с дырявым периметром и хаосом внутри.

И при этом все говорят о фатальном переуплотнении центра, хотя налицо еще немалые резервы, а центр тем временем реально задыхается и не может нормально функционировать. А почему уже несколько десятилетий задыхается и никак не задохнется исторический центр Парижа, кварталы которого почти все относятся к самому плотному, по московским меркам, периметрально-компактному морфотипу на верхнем пределе его емкости, приближаясь к 30.0 тыс.м²/га. Да потому что плотность застройки не главный показатель перегрузки, куда важнее функциональное использование, выраженное в привлекаемых потоках людей и транспорта, и все та же плот-

ность уличной сети. Потоки растут, а плотность у нас в два раза ниже парижской, и редкие попытки увеличить коммуникативность московских кварталов пока терпят неудачу (4).

1. Это хорошо читается на схемах периодизации развития кварталов, если вы хоть раз видели историко-архитектурное обследование своего объекта.
 2. Из всех европейских столиц только Вена типологически напоминает московскую ситуацию. Но, во-первых, она почти на порядок меньше как город, а во-вторых, спасительное для Вены Ринг-штрассе как кольцевой транспортный «дренаж» центра при наложении на московский план уместится где-то между Бульварным и кольцом центральных площадей, приблизившись к последнему. В качестве аналога не очень подходит. Наша беда – круче.
 3. Начиная с 1988 года НИИТИ Генплана г.Москвы готовило и передавало в Правительство Москвы списки резервных площадок для вывода офисов из центра с последующим развитием жилого фонда на местах выводимых объектов (знаю, потому что сам участвовал в этом). Опасность уже тогда была очевидна. Поэтому запрет на размещение офисов в центре от 2007 г. ничего кроме досады вызывать не может. Словхитались, когда дел проиграно.
 4. Очень показателен наш опыт с проектированием квартала №259 между Цветным бульваром и Трубной улицей. Квартал большой – 6,5 га. Проектом застройки в 1991 году была заявлена система внутренних проездов, практически делившая квартал на три неравные части и имевшая внутриквартальные распределительные дублеры периметральных магистралей.
- Произвольным межеванием середины 90-х и стараниями хозяйствующих субъектов сегодня закрыта почти вся капиллярная сеть. Чтобы выехать и влиться в городской поток машины стоят цепью и газуют минуты квартала по 10-15 минут. Кстати, в досоветский и советский периоды внутриквартальная сеть проездов действовала исправно, в том числе транзитно. Ворота закрывались только на ночь, и то – не везде.

Окончание в следующем номере

